

О РИСУНКАХ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Сообщение М. Бекетовой

Рисунки Блока, сохраненные его покойной матерью, не имеют художественной ценности, но они бесспорно интересны по темам.

Из детских рисунков представляют интерес только корабли, которые Блок особенно любил и в детстве и в позднейшие годы. Он беспрестанно их рисовал, изображая в различных положениях, и даже устраивал из них выставки в своей комнате. Два прилагаемых рисунка, сколько я помню, относятся к годам девяти-десяти. Оба сделаны карандашом на четвертушках писчей бумаги.

Первый рисунок (стр. 676). Нижняя часть разрисована цветным карандашом. Внизу синее море, остов корабля красный, борт желтый, с надписью: «Юнкер». Оснастка корабля — мачты, реи и пр. — нарисована обыкновенным черным карандашом. У бортов крайне примитивно изображены три человека: один — около мачты — в синем костюме и черной шляпе, другой — ближе к рулю — в красном и черной шляпе, третий — на носу — в черном.

Второй рисунок (стр. 677). Море без раскраски. Остов корабля раскрашен в таком порядке: борт лимовый, за ним красная, синяя, снова красная и оранжевая полосы; поперечная полоса, выделяющая нос, тоже красная. Оснастка с поднятым парусом нарисована черным карандашом, только местами, на поперечных линиях, — красным. Два флага — наверху мачты и на руле — оба трехцветные с продольными полосами — белой, синей и красной (дореволюционный национальный флаг).

Блок насмотрелся на корабли с раннего детства. Он родился в доме, который выходит на набережную Невы. Блок прожил там три года. Девяти лет он поселился на набережной Малой Невы. Повидимому, на мальчика производили впечатление именно парусные суда, так как финляндские пароходики, то и дело бороздившие в те времена Неву во всех направлениях, а также буксиры и другие суда не попадают на его детских рисунках.

В его стихах часто фигурируют корабли, нередко в символическом смысле. В этих случаях они всегда представляют, как ожидание радости, как надежда на что-то светлое. Таких примеров много (пьеса «Король на площади», поэма «Ночная Фиалка», цикл стихов «Ее прибытие»).

Возвращаясь к рисункам. В январе 1897 г. Блок оставил нам два рисунка. Ему было в то время шестнадцать лет. Один рисунок, третий по счету, представляет собой скромную виньетку в красках: шесть грибов на зеленой траве — красноголовые осиновики на толстых ножках, начиная с самого большого, как бы отца семейства, и кончая самым маленьким — в постепенном порядке (стр. 547). Виньетка нарисована в конце афиши детского спектакля, устроенного 4 января 1897 г. у тетки Блока С. А. Кублицкой-Пиотух. Афиша написана прекрасным почерком самого Блока. Представлены были две пьесы: одна — французская — очень забавный водевиль Лябиша «La grammaire», другая — русская — «Спор греческих философов об изящном», из Козьмы Пруткова. Все артисты, кроме одного, были родственниками Блока, в возрасте от восьми до двенадцати лет. Сам он играл старого и глупого президента академии, имел очень представительный вид в своих

искусственных сединах и недурно справился с ролью. Это было время его увлечения сценой, главным образом, Шекспиром.

Другой рисунок, четвертый по счету, более интересен. Это шутовская иллюстрация детского журнала «Вестник», номера которого выходили по одному экземпляру в месяц. Блок был техническим редактором и издателем журнала: он переписывал весь материал, снабжал текст иллюстрациями и т. д. Редактором была его мать.

К январскому номеру 1897 г. был приложен лист карикатурных рисунков пером — самого издателя. Сбоку виднелась скромная надпись. «Северная зима в очень дурных эскизах г-на * *» (стр. 685). Рисунки сделаны талантливо и очень бойко. Они интересны еще и тем, что в них есть некоторые элементы знаменитой поэмы Блока «Двенадцать».

Вот описание рисунков: на листе толстой бумаги, в размер четвертушки писчей бумаги, расположены восемь рисунков и две особые надписи, другие надписи относятся к большинству рисунков. Все надписи сделаны печатными буквами. Сверху вниз по левой стороне страницы сделана мелким шрифтом надпись, поставленная в прямые скобки: «тяп-ляп — и вышел корабль». Внизу сбоку стоит надпись, сделанная крупными буквами: «Северная зима в очень дурных эскизах г-на * *». Рисунки расположены так: наверху слева будка городского; правее и несколько ниже — городской с ружьем; третий рисунок в том же ряду еще ниже, по диагонали: воющий пес, над которым надпись: «Собака лает и т. д.». Наверху справа — месяц на ущербе, сбоку надпись: «Луна». Второй ряд — из трех рисунков тоже по диагонали: 1) корабль во льдах; справа наверху полукруглая черта, под ней наверху слева — «Gram»; 2) фигура мужчины с поднятым воротником и в цилиндре; видно, что идет с трудом, низ пальто свернут ветром в левую сторону. Сбоку надпись: «Ветер»; 3) очень поджарый волк, очерчен слева полукруглой чертой. Наверху между человеком и волком голова мужчины с подвязанной щекой. Справа надпись: «Зимний флюс». Весь фон рисунков испещрен черточками, очевидно, обозначающими, что идет снег. Таким образом, налицо ветер, буржуй на перекрестке и голодный пес. Можно прибавить еще, что «на ногах не стоит человек».

В марте 1897 г. Блок дал еще один рисунок пером. Точнее говоря, это были четыре маленьких рисунка, составляющих в целом род виньетки, украшающей тот подарок, который Блок сделал ко дню рождения матери — 6 марта 1897 г. Александра Андреевича занималась в те годы переводами французских стихов. На рукописи их Блок нарисовал следующую виньетку: сверху на загнутом с двух сторон листе в виде свитка, за которым торчит положенное снизу перо, написано: «Французские поэты в переводе А. А. Кублицкой-Пиотгух. Бодлер, Виктор Гюго, Верлен, Сюлли Прюдом, Альфред Мюссе, Фр. Коппа». Ниже три рисунка: помещенный стоймя словарь Макарова с надписью на корешке: «Макаров 1—2. А. К.». За ним виден карандаш. Правее толковый словарь Ляруса, в лежачем положении; на корешке надпись: «Larousse A. K. П.». За словарем видны в стоячем положении две книги с надписями на корешках: «А. К. П.». Правее стеклянная чернильница в виде чуба с круглой крышечкой и рядом маленькая пометка автора виньетки: «А. Блок». Внизу под рисунком — «6 марта 1897 года». Это уже пятый рисунок.

Шестой рисунок (воспроизведен, как и другие описываемые здесь рисунки с видами Шахматова, выше, при публикации юношеского дневника Блока) нарисован карандашом на четвертушке писчей бумаги. Он точно воспроизводит шахматовский дом с лицевой стороны, выходящей в сад. На обороте карандашная надпись: «Шахматово. 14 августа 1898 г. Дом Его. Ал. Блок».

Седьмой рисунок представляет собой тот же вид шахматовского дома, он сделан два года спустя, тоже карандашом и на такой же четвертушке. Наверху над рисунком сделана шутовская надпись: «В назидание предкам и потомкам».

Слева внизу: «Шахматово, 3-е июня 1900»; направо вбок подпись: «А. Блок». Существенной разницы между рисунками нет, если не считать того, что второй нарисован отчетливее и лучше первого, на втором не нарисована пристройка и нет цветников, которых в то время уже не было. Еще выше поднялись жасминовые кусты.

Особый интерес представляет небольшая тетрадка с четырьмя рисунками формата полчетвертушки писчей бумаги. На заглавном листе обозначена дата: «1899. Шахматово. Июнь». Все рисунки Блока, начиная с 1898 г., сделаны в пору «Стихов о Прекрасной Даме», когда Блок познакомился летом этого года с Лю-

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА БЛОКА: ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К ДЕТСКОМУ РУКОПИСНОМУ ЖУРНАЛУ «ВЕСТИК», 1897 г.

Собрание М. А. Бекетовой, Ленинград

бовью Дмитриевной Менделеевой. Первый рисунок тетради (восьмой по общему счету), помеченный надписью: «4 июня. Боблово с горки», требует объяснения. «Горкой» называла семья Бекетовых тот подъем, который вел из шахматовской усадьбы в сторону ближайшей станции Подсолнечная (б. Николаевская ж. д.). По «горке» шла дорога, пролежавшая между пашнями. С нее открывался широкий вид и в правой стороне видна была, вырисовываясь на горизонте, высокая гора, замыкавшаяся лесом. Сидя на «горке», Блок, вероятно, часто смотрел в ту сторону, где было Боблово, и наконец решил, что видная на горизонте по-

лоса леса есть бобловская гора. Вопросительный знак над надписью показывает, что он был не вполне уверен в этом, но впоследствии, повидимому, окончательно убедился в этой мысли.

Девятый рисунок: «Баня. 6 июня (от елки)». Небольшая бревенчатая баня с драковой крышей, из-под которой чуть виднеется верх печной трубы, нарисована очень отчетливо и точно.

Десятый рисунок, под которым подпись: «Угол дома и наша пристройка. 7 июня», сделан так же отчетливо и с такой же предельной точностью, как и баня.

Одиннадцатый рисунок, без даты, относится, вероятно, к тем же годам или исполнен одновременно с рисунками дома. Он нарисован с дальнего расстояния, почти за версту от Шахматова, с холма, поросшего молодым ельником, среди которого, отступя довольно далеко, стоит на лужайке большая елка. С этой вышки хорошо видны с задней стороны шахматовские сарай и службы, фон которых составляли деревья сада.

Остальные рисунки Блока (воспроизведены выше, при публикации «Александр Блок и Андрей Белый в 1907 году») представляют собой карикатуры.

Двенадцатый рисунок. Карикатура на Андрея Белого, без даты, вероятно, 1905 г., когда Андрей Белый бывал особенно часто у Александры Андреевны и у Блока, живших в квартире отчима Александра Александровича. Рисунок сделан карандашом на четвертушке писчей бумаги. На большом овальном столе с четырьмя ножками стоит чашка с ложкой и лежит раскрытая книга. Андрей Белый стоит лицом к зрителю за столом. Лицо улыбающееся, но волосы стоят на голове дыбом. Внизу подпись: «Андрей Белый читает люциферьянские сочинения Рия и Когэна». В этой карикатуре подпись удалась лучше рисунка; нужно понимать, что улыбка поэта и волосы, стоящие на голове дыбом, изображают и удовольствие и ужас, или насмешку и ужас. Андрею Белому было в то время 25 лет. Он прошел уже два разных факультета в Московском университете — и естественный и филологический — и был до краев начинен философией, которую, при его блестящих способностях, памяти и отвлеченном уме, преодолел вполне и, как выражался он в своих позднейших книгах, «вгрызался» то в того, то в другого, по большей части немецкого, философа. Блок был далеко не так привержен к философии, как Андрей Белый, и иногда подтрунивал над его крайними увлечениями излишней отвлеченностью.

Тринадцатый рисунок гораздо удачнее предыдущего. Это тоже карикатура на Андрея Белого. Рисунок сделан карандашом тоже на четвертушке. Андрей Белый стоит, обращенный в профиль к зрителю. Поза его с вытянутыми руками и согнутыми коленями очень напоминает его на кафедре во время докладов. Что касается лица, в котором есть что-то от кота, то сходство слабое; но в молодые годы, когда Андрей Белый был очень худощав, в нем действительно было что-то кошачье. Что же касается надписи: «Андрей Белый рассказывает маме о гносеологических эквивалентах», то она положительно удачна. Конечно, в действительности не было такого разговора Александры Андреевны с Андреем Белым, — это была только в высшей степени меткая стилизация Блока. Андрей Белый любил затрогивать такие трудные темы, не считаясь с тем, поймет ли его собеседник то, что он говорит. Александра Андреевна была очень мало осведомлена в философии, хотя интересовалась философскими темами, понимая многое по интуиции. Но Андрей Белый в таких случаях обыкновенно несся вперед, ничего не замечая и увлекаясь темой и собственным красноречием.

Остальные карикатуры Блока не представляют общественного интереса. •